

КАРЕЛИН Владимир Анатольевич / KARELIN Vladimir

Центр «Геополитические проблемы Севера: история и современность» / Centre 'Geopolitical Problems of the North: History and Current Time'

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

karelin_vladimir@mail.ru

**ПРОБЛЕМА ЭКСПЛУАТАЦИИ ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ
ПОГРАНИЧНОЙ РЕКИ ПАЗ В РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКИХ
ПРИГРАНИЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (1906–1913 гг.)**

**THE PROBLEM OF PASVIK BORDER RIVER HYDROPOWER RESOURCES
EXPLOITATION AND RUSSIAN-NORWEGIAN BORDER COOPERATION:
FIRST STEPS, 1906–1913**

Abstract: This article discusses the first negotiations between the two neighbouring states of Norway and Russia concerning exploitation of the hydropower in the border river in Pasvik. Based on in-depth research in Norwegian and Russian archives, the article traces the different interests and initiatives on both sides of the border, on the local and regional levels as well as on the national level. The article concludes that despite efforts from Norwegian entrepreneurs and state actors to reach an agreement, the issue remained unsolved before the start of WWI.

Ключевые слова / Keywords: Российско-норвежские пограничные отношения на Крайнем Севере, история гидротехнического комплекса на реке Паз, Кристиан Анкер, акционерное общество «Сюдварангер», переговоры по проекту соглашения о сотрудничестве в октябре 1907 г. в Санкт-Петербурге / Russian-Norwegian border relations in the Far North, history of the hydropower cooperation, negotiations since October till December 1907 in Saint Petersburg, A/S Sydvaranger joint-stock company, Christian Anker

История пограничных отношений России и Норвегии начала XX столетия таит немало неизвестных или малоизученных страниц. Об одной из них пойдёт речь. Она сфокусировала на себе внешнеполитические и хозяйственно-экономические интересы соседних северных стран. Как свидетельствуют факты, они не всегда находились в гармонии. Их мотивы время от времени скрыто или явно противоречили друг другу. Однако, поскольку обе стороны желали поддерживать и сохранять для общей выгоды мирные и дружественные отношения, столкновений почти всегда удавалось избежать¹.

Это особенно важно понимать, потому что сама международная остановка в начале XX столетия была непростой. Острые противоречия России с Великобританией и неудачная война с Японией ослабили её позиции, в том числе на Севере Европы. Военные руководители империи накануне Первой мировой

---

¹ См.: *Roginsky V.V.* The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: A Diplomatic Challenge // *Russia–Norway. Physical and Symbolic Borders*. Moscow, 2005. P. 162–168; *Рогинский В. В.* Конвенция 1826 года «О разграничении между Норвегией и Россией» как дипломатическая проблема // *Вестник Баренц-Центра МПГУ*. Вып. 7. 2008. С. 25–30; *Нильсен П. П., Зайков К. С.* Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к Поморской зоне // *Арктика и Север*. 2012. № 5. URL: <http://narfu.ru/upload/iblock/854/6.pdf> (19.09.2017).

войны подозревали Стокгольм в тайном военном союзе с Берлином. Правительство было обеспокоено прогерманскими и русофобскими настроениями в Швеции². Волновала его и уязвимость почти не защищённых границ империи на Крайнем Севере.

На этом фоне дружественные отношения Российской империи с молодым норвежским государством могли стать ценным дипломатическим активом. Это хорошо понимали в Петербурге. Российская дипломатия первой приветствовала независимость Норвегии и была намерена налаживать и беречь с ней сотрудничество.

Задача наметить политику, которая бы отвечала новым реалиям, увязав её с обеспечением безопасности северных рубежей империи, выпала на долю министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа и его помощников. В разработке плана скандинавской и балтийской политики важную роль сыграл советник министра барон М. А. Таубе, ученик известного юриста-международника, профессора Ф. Ф. Мартенса.

По заданию министра осенью 1905 г. Таубе составил проект программы русской политики, отразивший основные приоритеты царской дипломатии. Ламздорф представил программу императору, и Николай II 13 октября (ст. ст.) 1905 г. без изменений её утвердил. Документ среди прочих пунктов (всего их было восемь) включал: отмену Ноябрьского договора 1855 г., замену его коллективной гарантией, но теперь уже с участием России. В ходе реализации этих идей империя первой среди великих держав признала независимость норвежского королевства и его территориальную целостность. Россия намерена была также уважать нейтралитет молодого государства³.

Еще в 1826 г., после подписания российско-норвежской конвенции о сухопутной границе на Крайнем Севере, река Паз стала служить рубежом, где встречались Норвегия и Россия. Историки считают, что конвенция в основном неплохо служила интересам обоих государств, то есть, сохранению мира и сотрудничества на границе⁴. Потому возникавшие время от времени спорные вопросы власти старались урегулировать, идя навстречу другу.

Это было тем более уместно, поскольку Норвегия в 1905–1917 гг. переживала экономический подъем. Население её северных провинций увеличивалось. Росло благоустройство небольших прибрежных городов и поселков пограничной провинции Финнмарк. Норвежские рыбаки и промысловики ввиду истощения прежних морских зон двинулись за добычей в восточную, русскую зону Арктики.

---

² См.: Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006.

³ См. кн.: Признание Россией норвежского независимого государства: Сборник документов / Составитель и авт. вступ. статьи В. В. Похлёбкин. М., 1958.

⁴ Зайков К. С. Российско-норвежское пограничье в отечественной историографии XIX — начала XXI века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2018. № 2. С. 27–39.

Здесь они столкнулись с интересами лопарей и поморов. Возникла необходимость, избегая конфликтов и предупреждая распространение на Западе мифа о «русской угрозе», в то же время пресекать нарушения норвежцами морской и сухопутной границ империи на арктическом Северо-Западе⁵.

Особое беспокойство властей вызывала малонаселенность русско-норвежской границы на Западном Мурмане и по правому берегу реки Паз. Лояльность местного населения из числа колонистов иностранного происхождения (финляндцев, норвежцев) и их цивилизирующее влияние на местное население уже с 1870-х гг., ставились под сомнение⁶. Забота о защите интересов поморов и местных общин православных лопарей ложилась на сотрудников российской дипломатической миссии в Кристиании и консульских работников в Финнмарке, а также на Архангельскую губернскую администрацию.

Проблемой гидроресурсов реки Паз и их хозяйственным использованием, стали активно интересоваться норвежские промышленные магнаты, дипломаты и чиновники. Российская общественность и печать живо обсуждали вопросы пограничных отношений, включая судьбу реки и православных саамов — коренных обитателей её долины. Губернская администрация в пограничном районе Пазреки считала своей опорой местное малочисленное полукучевое православное саамское население. Задачу обеспечения безопасности границы и предупреждения пограничных конфликтов в Архангельске считали критически важной. Это предполагало заботу о защите интересов, привилегий и традиционного способа жизни лопарей. В том числе сохранение их сервитутных прав. Между тем, давление миграционного притока норвежцев в пограничный Финнмарк привело к тому, что соседи стали вытеснять лопарей пазрецкого прихода с традиционных мест их весенне-летних рыбных промыслов на норвежской стороне границы⁷.

О предыстории развернувшихся на границе событий важно знать следующее: широкое индустриальное применение в Норвегии электричества и прогресс гидроэнергетики к началу XX века вызвали интерес к эксплуатации гидроресурсов пограничной реки Паз. Их потенциал в этом регионе был значителен. Истоком реки служит озеро Инари в Финляндии. Перепад высоты от истока реки до впадения в Варангер-фиорд Баренцева моря составляет 118 метров. В своем течении на север она проходит несколько больших озёр и образует обширную и живописную речную и озёрную долину.

Толчком зарождения интереса к промышленному использованию гидроресурсов реки послужили геологические открытия на севере Норвегии.

---

⁵ См.: Попов Г. П., Давыдов Р. А. Мурман: Очерки истории края XIX — нач. XX в. Екатеринбург, 1999; Касиян А. С., Карелин В. А. Норвегия // Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2020. Т. 3. Россия и нейтральные страны.

⁶ См. кн.: Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах. М.; Архангельск, 2001.

⁷ Карелин В. А. Проблема саамских сервитутных прав в пограничных отношениях России и Норвегии в начале XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2016. № 1. С. 32–41

Наличие залежей железной руды в Финнмарке стало известно ещё в 1860-х гг. Их открытие и описание связано с именем Теллеффа Даля, служившего помощником директора геологической службы Норвегии⁸. Однако, эксплуатация бедных железом рудных депозитов считалась до начала XX века коммерчески невыгодной. Содержание железа составляло всего около 35%⁹. Однако в начале нового столетия положение в технологии добычи руды радикально изменилось. Распространение получил метод её обогащения путем электромагнитной сепарации. Обогащительные фабрики при горной добыче могли теперь производить железорудные окатыши с удельным содержанием железа выше 60-и или даже 70%.

Первой инициативу в постановке вопроса об эксплуатации энергетических гидроресурсов Паз реки проявила Норвегия. На рубеже XIX–XX столетий она опережала не только царскую Россию, но и многие другие страны в изучении и освоении гидроресурсов своей территории. Аналогичная ситуация сложилась и в опыте применения для промышленных, транспортных и бытовых нужд достижений электротехники и гидротехнического строительства. Индустриальная революция в Норвегии (ее новый, второй этап) с конца XIX века опиралась преимущественно на гидроэлектрическую энергию, в то время как во многих странах использовали в качестве источника энергии уголь, а позже и нефть. Это объясняется наличием в североевропейской стране больших запасов дешевых гидроресурсов (водопадов и горных рек). Кроме того, имело значение и внимание общества к развитию технической науки, системе школьного и технического образования.

Правительство Норвегии, обретшей независимость в 1905 г., в итоге политических дискуссий в парламенте (стортинге) и печати реализовало строгий запрет на монополизацию прав частной собственности (прежде всего, для иностранцев) на национальные гидроресурсы. Ещё в конце 1906 г. парламент принял так называемый «панический» концессионный закон. Он наложил запрет на аренду норвежских водопадов частными иностранными компаниями. Запрет был вызван опасением норвежской общественности перспективы массовой скупки крупным иностранным бизнесом водопадов. Считалось, что это создает опасность утраты Норвегией недавно обретенной национальной независимости¹⁰.

---

⁸ Теллеф-Даль (норв. *Tellef Dahl*, 1825–1893) — норвежский минеролог и геолог.

⁹ См.: *Похлебкин В. В.* Норвегия. М., 1957. С. 12.

¹⁰ Примеч.: Норвежское правительство, сформированное в 1907 г., продержалось у власти лишь до конца 1908 г. Радикальное крыло партии Венстре при поддержке норвежской Рабочей партии сформировало новое правительство (во главе с Г. Кнудсенем), которое в 1908 г. приняло окончательный «Закон о концессиях». В соответствии с ним запрет (1906 г.) снимался, но концессии становились срочными, срок устанавливался на 60–80 лет. По его истечении права на водные пути вновь переходили к государству. Кроме того, правительство по истечении этого срока оставляло за собой право безвозмездного отчуждения в пользу государства всех построенных сооружений.

Концессионные законы 1906–1909 гг. закрепили приоритет их использования в национальных интересах¹¹. Стремление большинства нации и политических лидеров общества к консолидации национальной территории и ресурсов принесло в конечном счёте позитивные результаты. Принятые решения ускорили экономическое развитие страны и благоприятно сказались на прогрессе не только гидроэнергетики, но также промышленности, сельского хозяйства и транспорта.

Убедителен был пример норвежского промышленника С. Эйде¹². Он возвёл в провинции Телемарк ГЭС для снабжения энергией крупнейшего акционерного предприятия Ношк гидро¹³. Первоначально компания занималась производством селитряных удобрений и взрывчатки на базе научного открытия Биркеланда — производства азотной кислоты из воздуха с использованием промышленного электричества («норвежская селитра»). Так был открыт путь к широкому применению электрической энергии («белого угля») в национальной промышленности.

Курс Норвегии на широкое применение электроэнергии значительно ускорил индустриальный рывок страны, в том числе на севере Норвегии¹⁴. Строительство горнодобывающего предприятия в Финнмарке стало непосредственной причиной появления на свет идеи эксплуатации гидроресурсов реки Паз. Располагалось предприятие близ поселка Киркенес в прилегающей к границе с Россией коммуне Сер-Варангер (местечко Бьерневаттен).

Реализовывала многообещающий проект акционерная компания «Сюдварангер» со смешанным немецко-шведско-норвежским капиталом. Первоначально он составил 10 млн марок. Учредителями предприятия стали немецкие и шведские банкиры, а также норвежские и шведские промышленники. Собственников увлекла перспектива масштабных прибыльных поставок железной руды на внутриевропейский и, прежде всего, германский рынок.

Впервые с предложением применить энергию реки Паз для промышленной выработки электроэнергии выступил крупный предприниматель Кристиан Август Анкер¹⁵. Он сумел привлечь внимание специалистов и властей к бедным по составу,

---

¹¹ Примечательно, что первая в Норвегии ГЭС, принадлежала не частному капиталу, а муниципалитету (орган местного самоуправления). Она вошла в строй в Финнмарке в 1891 г. Её задачей было обеспечить электрическим освещением Хаммерфест — маленький город в заполярном крае. Лишь после этого была построена и введена в строй муниципальная ГЭС снабжавшая электроэнергией норвежскую столицу Кристианию.

¹² Самуэль «Сам» Эйде (норв. *Samuel Eyde*; 29 октября 1866, Арендал, Норвегия — 21 июня 1940, Осгордстранн, Норвегия) — крупный норвежский инженер и промышленник.

¹³ Норв. *Norsk Hydro* — ныне крупная норвежская нефтегазовая и металлургическая компания, осн. Самюэлем Эйде в 1905 г. под названием *Norsk hydro-elektrisk Kvalstofaktieselskab*.

¹⁴ Сёр-Варангер (норв. *Sør-Varanger*) — коммуна Сёр-Варангер находится в самой северо-восточной области Норвегии, в фюльке (графстве, губернии) Финнмарк.

¹⁵ Анкер, Кристиан Август (норв. *Christian August Anker*, 1840–1912) — выходец из богатой буржуазной семьи южной Норвегии, крупный коммерсант, владелец предприятий в бумагоделательной отрасли, играл заметную роль в индустриальной истории Норвегии, техническое и экономическое образование получил в Ганновере и Цюрихе: *Berg B. I.*

но мощным месторождениям железной руды. По его инициативе рудные залежи в Сер-Варангере были изучены специалистами в 1902–1903 гг. Это и дало толчок учреждению акционерного общества. Оно и стало собственником крупнейшего на протяжении всего XX столетия железорудного комбината Норвегии¹⁶. На новое предприятие соседей тогда же обратили внимание в России¹⁷.

По-видимому, правы историки, полагающие, что первоначально за спиной Кр. Анкера стоял его влиятельный американский деловой партнер и промышленный магнат Дж. Лонгбир Монро¹⁸. Первоначально их замысел заключался в соединении угольной добычи на Шпицбергене с предприятием по производству железного концентрата в Финнмарке¹⁹. Так или иначе, для работы компании Кр. Анкера требовалось очень много электроэнергии. Промышленник рассчитывал эксплуатировать энергию водопада Харефоссен²⁰. По подсчётам инженеров, построенная на этом «падуне» ГЭС могла обеспечить горнорудное предприятие мощностью от 40 000 до 80 000 лошадиных сил²¹. Предприниматель утверждал, что электроэнергия, полученная за счёт использования ресурсов реки Паз, вполне могла удовлетворить потребности планируемого комбината²².

Анкер потратил немало усилий обоснованию перед правительством своего бизнес-плана. Он апеллировал к высокому спросу на железную руду в Европе, подробно объяснял, насколько мощным является месторождение, убеждал, что будущее предприятие создаст немало новых рабочих мест для коммуны. К проекту Анкер приложил план-схему строительства перегрузочных пунктов и гавани в Киркенесе, а также ожидаемого роста численности местных городов. Для погрузки на морские суда предполагалось проложить «электроэнергетические и осветительные линии к различным шахтам, кабинам, рабочим и машинным цехам, а также к экспортным площадкам».

Christian August Anker // Norsk biografisk leksikon [Электронный ресурс]. URL: https://nbl.snl.no/Christian_August_Anker (26.12.2022); *Lunde A.* Sør-Varangers historie. Kirkenes, 1979.

¹⁶ В январе 1906 г. было учреждено Акционерное общество «Сюдварангер» (норв.: *Aktieselskapet Sydvaranger*).

¹⁷ *Карелин В. А.* К ранней истории совместного освоения природных ресурсов стран Баренцева Евро–Арктического региона: проблема использования «водной силы» Паз-реки в российско-норвежских отношениях (начало XX в.) // «Европейский Север: инновационное освоение морских ресурсов (образование — наука — производство)»: материалы междунар. науч.- практ. конф., Мурманск, 13–18 марта 2013 г. Мурманск, 2013. С. 269–270.

¹⁸ *Berg R.* Norway, Spitsbergen and America, 1905–1920 // *Diplomacy and Statecraft*. 2017. Vol. 28. Issue 1. P. 20–38.

¹⁹ См.: *Dole N. H.* America in Spitsbergen: The Romance of an Arctic Coal-Mine. Boston. 1922. Vol. I–II.

²⁰ *Harefossen* (рус.: Заячий водопад).

²¹ St. medd. nr. 11 (1904–1905): Ang. kontrakt mellem landbrugsdepartementet og Chr. Anker vedrørende jernmalforekomsterne paa Pasvikhalvøen i Sydvaranger: Den norske regjerings underdanigste indstilling af 30te mars 1905, som ved hans kongelige høihed Kronprinsregentens resolution af 8de april s. a. Naadigst er bifaldt. URL: https://www.stortinget.no/nn/Saker-og-publikasjoner/Stortingsforhandlingar/Lesevisning/?p=1904-05&paid=2&wid=b&psid=DIVL980&pgid=b_1041&vt=b&did=DIVL1073 (26.12.2022).

²² Национальный архив Норвегии, Осло (Riksarkivet, далее — RA). 4991 P5: Brev fra Landbruksdepartementet datert 22. januar 1903 til Departementet for udenrigske sager, handel, sjøfart og industri; Gjenpart af Skrivelse fra Chr. Anker, Fredrikshald, til Landbrugsdepartementet, datert 15. December 1902.

Предприниматель просил власти разрешить ему использовать «долю норвежского государства в Харефоссене» для производства электроэнергии. С января 1903 г. письмо-заявку Кр. Анкера обсуждали норвежские министерства и ведомства. По его словам, воды от скалы в центре водопада и до западного берега реки следовало считать норвежскими. «Норвежскую часть воды», как он писал, можно направить по трубам, а затем в турбину.

Переговоры с норвежскими властями об использовании Харефоссена оказались весьма длительными. Предприниматель вёл их с 1903 по 1906 г. Архивный материал свидетельствует, что первоначально норвежские «инстанции» неохотно шли на разрешение частному предприятию разработки «рудного тела» вблизи пограничной реки. Ввиду ряда факторов представители министерства сельского хозяйства, министерства торговли и министерства иностранных дел, судоходства и промышленности отнеслись к предложению Кр. Анкера использовать Харефоссен крайне осторожно. Законодательство Норвегии в принципе не позволяло предоставлять частным подрядчикам права аренды на использование приграничных рек из-за опасений помешать традиционному использованию реки местным населением (рыболовство, лесосплав, туризм). Кроме того, норвежские власти не желали подвергать риску добрососедские отношения с Россией, поскольку, согласно Пограничной конвенции 1826 г. и Дополнительного протокола 1834 г., местное население, община православных лопарей, проживало на приграничной территории. Чиновники стремились достичь такой ситуации при которой использование гидроресурсов не беспокоило местное население и не давало повода к конфликтам соседних двух стран. Иными словами, создание частной промышленности в приграничной с Россией полосе, с одной стороны, должно было соответствовать норвежской политике безопасности, но, с другой — не иметь негативного влияния на отношения с Россией.

Кроме того, правительство в Кристиании, озабоченное задачей «норвегизации» Финнмарка, где велика была доля саамов и квендов, выдвинуло предпринимателям особое требование. Рабочая сила будущей горнодобывающей компании должна быть этнически норвежской или, по крайней мере, норвежско-говорящей²³.

Чиновники настаивали, чтобы строительные и технические операции происходили не ближе, чем в 100 метрах от норвежского берега пограничной реки Паз и на таком же расстоянии от пограничных знаков в районе Борисоглебской церкви. «Соседские отношения (с Россией — В. К.), подчеркивали авторы документа, серьезно пострадают, если промышленные дымы и дурно пахнущие газы станут отравлять воздух над святым для русских местом — Борисоглебской церковью»²⁴. Будущий контракт, считали в министерствах, должен включать положение о том, что Кр. Анкер и его правопреемники «обязаны избегать

²³ St. meld. nr. 11 (1904–1905).

²⁴ RA. 4991 P5: Bemerkninger fra udenrigsafdelingen til udkast til kontrakt mellem Landbrugsdep paa statens vegne og grosserer Chr. Anker, angaaende udnyttelse af jernmalmforekomster i Sydvaranger (помета от руки: «Levert statsraad Kildal 8 mars 1905»).

возможных претензий о возмещении ущерба и организовать все то, что король обязывает сделать ради сохранения добрососедских отношений с Россией или защиты прав российских подданных»²⁵.

Тем не менее, Кр. Анкер остался недоволен. Предложения бюрократов он посчитал чрезмерными, обременительными и дорогостоящими. Разрешение использовать участок (норвежского берега) к западу от полуострова Пасвик, по его словам, не обеспечит необходимой рентабельности, а условия по приватизации земли выглядят слишком затратными. Поскольку требования правительства, по его мнению, оказались несправедливы, он решил привлечь на свою сторону норвежскую общественность. Собственные аргументы он изложил в газете «Моргенбладет»²⁶. Несколько других изданий поддержали его точку зрения²⁷. Предпринимателю удалось привлечь на свою сторону губернатора Финнмарка Трулса Й. В. Граффа²⁸ и прокурора Верховного суда Р. М. Б. Шельберга. Последние могли оказать поддержку рассмотрению дела в интересах компании.

Губернатор Графф осенью обратился к российскому консулу в Финнмарке Оскару Визелю²⁹. Он пытался выяснить его взгляд на то, как российские власти могли бы реагировать на предложение норвежцев использовать Харефоссен³⁰. В начале 1906 года губернатор вместе с Шельбергом вновь связался с консулом Визелем. Они обсуждали намерение акционерной компании построить электростанцию в норвежской части водопада Харефоссен. Шельберг обещал русским властям, что компания, получив согласие русской стороны, приложит все усилия, чтобы не повредить местному рыболовству, не вызвать загрязнения реки и не изменить уровень её воды. Русский консул обнадежил собеседников. По его мнению, возможные российско-норвежские переговоры не должны были встретить трудности, так как «... норвежские и российские интересы как выше, так и ниже водопада в отношении размещения гидроэлектростанции совпадают». Так передал Шельберг его взгляд Анкеру. Он добавил, что Россия, скорее всего, не выдвинет условий иных, кроме тех, какие уже предусмотрела сама Норвегия. Самое главное позаботиться, чтобы не пострадали интересы местного населения.

Норвежское Министерство сельского хозяйства в феврале 1906 г., письменно известило МИД Норвегии, что оно весьма заинтересовано в налаживании стабильной и прибыльной горнодобывающей деятельности. Было рекомендовано провести переговоры с российскими властями о предоставлении Анкеру права

---

²⁵ Ibid.

²⁶ *Morgenbladet* — осн. в 1819 г., норвежская газета, посвящённая вопросам политики, культуры и науки, длительное время была крупнейшей в стране по размеру тиража.

²⁷ *Morgenbladet*. 26.08.1903; *Vardø-Posten*. 06.09.1903; *Vardø-Posten*. 22.11.1903.

²⁸ Норв.: Truls Johannesen Wiel Graff — губернатор провинции Финнмарк (1896–1906).

²⁹ Визель Оскар Оскарович (1864–1918) – русский дипломат. С 1901 по 1911 г. императорский консул в Хаммерфесте.

³⁰ RA. 4991 P5: Gjenpart af Skrivelse fra Amtmanden i Finnmarkens Amt til Landbrugsdepartementets Expeditionschef af 5 September 1903.

использовать гидроэнергию водопада Харефоссен³¹. Таким образом, крупному бизнесу почти удалось инициировать переговоры между норвежскими и российскими властями о межправительственном соглашении. Известны стали и первоначальные планы компании. Они были масштабны. Хозяева намеревались ежегодно производить до 600 тыс. тонн окатышей. По замыслам инженеров рудник и шахту с обогатительной фабрикой должна была соединить железная дорога. Её планировалось электрифицировать.

Реализацию проекта осложнил коррупционный скандал. В норвежской прессе появились громкие публикации. Из них следовало, что Анкер и один из его помощников установили «сомнительные денежные связи» с губернатором Граффом. В результате официального расследования губернатор Финнмарка был признан виновным в получении денег от Анкера для продвижения дела. В том же году Граффа отстранили от должности.

Для самого Анкера «грязное дело» юридических последствий не имело. Однако ему пришлось покинуть пост руководителя компании. Таким образом, план применить воды реки Паз для производства электроэнергии оказался более сложным, чем ранее ожидали. Когда горная компания развернула добычу железной руды и производство окатышей, для выработки электроэнергии она вынужденно применяла парогенератор. Однако скоро руководители осознали, что решение использовать уголь в качестве источника электроэнергии коммерчески неэффективно. Производство обходилось слишком дорого. В условиях острой конкуренции на международном рынке этот фактор заметно снижал рентабельность³². В итоге норвежская компания продолжила искать способ получить доступ к эксплуатации энергоресурсов реки Паз. Об этом свидетельствуют архивные документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве³³.

Министерство иностранных дел России последовательно поддерживало курс на упрочение дружественного сотрудничества с Норвегией. С другой стороны, оно было озабочено слабостью позиций в пограничных отношениях на Крайнем Севере. Особенно контрастной выглядела отсталость Мурмана на фоне экономических и культурных успехов Норвегии, роста населения Финнмарка. Трудно было пройти мимо многочисленных фактов промысловой активности норвежцев в пограничных районах, упадка поморской торговли, нарушений

---

³¹ RA. 4991 P5: Brev fra Landbruksdep til Udenrigs-dep, datert 24. feb. 1906. Ср. тж. документ: «Ang. spørgsmaalet om indgaaelse af overenskomst med Rusland om udnyttelse af vandkraften i Pasvikelven».

³² *Eriksen K. E.* En gruvebedrift til nytte og besvær // Det hjemlige og det globale: Festskrift til Randi Rønning Balsvik. Oslo, 2009. S. 320–335; *Fasting K.* Aktieselskabet Sydvaranger 1906–1956. Oslo; Kirkenes, 1956.

³³ РГИА (далее — Российский государственный исторический архив). Ф. 387. Оп. 28. Д. 672: документы Главного управления землеустройства и земледелия (и подведомственного ему Лесного департамента), донесения Архангельского губернатора и архивные документы переписки со 2-м, «Консульским», Департаментом российского МИД.

соседями суверенной русской территории. Среди тревожных фактов речь шла и о постепенном вытеснении православных лопарей Пазрецкого прихода с тонеи на норвежском берегу, где они издавна вели традиционный семужий промысел. После пограничного разграничения 1826–1834 эта деятельность осуществлялась на правах сервитута³⁴. Перспектива полного вытеснения лопарей пазрецкого прихода и утраты сервитутной привилегии, закрепленной пограничной конвенцией 1826 г., заставляла российский МИД вести длительные переговоры властями Норвегии и с искомать взаимоприемлемое решение.

Достоянием общественности становились нередкие факты браконьерства норвежцев-зверопромышленников и рыбаков, в том числе, на архипелаге Новая Земля. Примером может служить инцидент 1909–1910 гг. Ассоциация норвежских промышленников публично поставила под сомнение суверенные права России на северный остров Новоземельского архипелага. Петербургу пришлось пригрозить отправить военный корабль для выдворения нарушителей. Современный норвежский историк Й. П. Нильсен считает эти факты серьезным кризисом в двусторонних дипломатических отношениях³⁵. Конфликт был улажен, но осадок от неприятного инцидента остался. В Петербурге полагали, что норвежская хозяйственная экспансия при определенных условиях может спровоцировать на границе нежелательные территориальные споры, конфликты и претензии. Помимо материального ущерба, от подобных фактов страдал и престиж империи как великой державы.

На таком фоне появление в 1906 г. в пограничной провинции Финнмарк крупной горной компании, намеренной эксплуатировать энергию Пазреки, усилило беспокойство официального Петербурга. Об этом предупреждали МИД и императорские консулы в Финнмарке, а также Архангельский губернатор. Осведомлены в России были и о борьбе национального и иностранного капиталов за контроль над гидроресурсами, а также следили за политической дискуссией в стортинге во время принятия концессионных законов в 1906–1909 гг. В российском МИДе стал известен и коррупционный скандал губернатора Финнмарка с основателем компании «Сюдварангер».

Заметим, что проблема гидроэнергетики с конца XIX — начала XX вв. являлась актуальной и для России. Отечественная научно-техническая интеллигенция настойчиво старалась привлечь внимание правительства к задаче систематического изучения национальных гидроресурсов и их использования³⁶.

---

³⁴ Сервитут здесь — право православных саамов Пазрецкого прихода на весенне-летний сёмужий промысел, который был закреплен конвенциями о разграничении 1826 и протоколом 1834 гг.

³⁵ Нильсен Й. П. Новая Земля — «ничейная земля»? // Народы и культуры Баренцева Региона. Тромсе, 1996. С. 4–18.

³⁶ Начиная с 1900 года, по инициативе Российской академии наук стали проводиться Всероссийские электротехнические съезды, где обсуждались не только электротехнические проблемы. См.: Бушнев В. План ГОЭЛРО: возрастное ограничение 100+ // Энергетическая политика. Общественно-деловой научный журнал. URL: <https://energypolicy.ru/v-bushuev-plan-goelro-vozhrastnoe-ogranichenie-100/energetika/2020/13/20/> (10.12.2022).

В публикациях съездов ученых, инженеров и архивных документах упомянута и река Паз, как объект возможного приложения российских капиталов.

В 1906 и 1907 гг. в адрес Архангельской губернской администрации и центральных ведомств (по Лесному департаменту) поступило несколько прошений об аренде «падунов» на реке Паз. Речь шла о сдаче в аренду двух самых близких к предприятию водопадов нижнего течения Паз реки. Во-первых, Заячьего (норв. Харефоссен), где российский и норвежский берега могли быть соединены плотиной. В отношении этого места норвежская компания планировала заключить межправительственное соглашение, чтобы возвести ГЭС и эксплуатировать её на правах аренды русской части «падуна». Во-вторых, Пазрецкого водопада близ церкви Святых Бориса и Глеба, где оба берега и сам «падуно» полностью принадлежали российской стороне.

В начале 1907 г. АО «Сюдварангер» направило в Петербург записку главного инженера компании Инге Виуля³⁷ о желании компании использовать энергию вод совместного водопада Заячий (норв. *Harefossen*) на реке Паз. Документ содержал описание проекта электростанции и предложение арендовать на долгосрочных условиях российскую половину водопада для строительства норвежцами гидроэлектростанции при горном предприятии.

Авторами заявок на Пазрецкий водопад стали подданные империи. Их заявки не случайно совпали с учреждением акционерной компании «Сюдварангер», основанной в январе 1906 г. Автором одной из них выступил инженер Иоганн (Юхан) Оскарович Кнудсен, сотрудник электротехнического предприятия в Ревеле. В документах российского МИДа его называли «полунорвежцем», так как он был сыном норвежского колониста и торговца Оскара Кнудсена. Спустя время выяснилась связь молодого Кнудсена с руководством компании АО «Сюдварангер».

«Полунорвежец» Иоганн (Юхан) Кнудсен через своего представителя Иоганна Беренса заявил о желании арендовать русский Пазрецкий водопад (норв. Скольтефоссен) на 99 лет за 150 руб. в год. Цель — производить и продавать электроэнергию как в Российскую империю, так и за границу. Кроме того, И. Кнудсен планировал арендовать участок земли в двух верстах от церкви Св. Бориса и Глеба³⁸. Можно предположить (это позднее подтвердилось), что руководство норвежской компании, действуя через Кнудсена, негласно планировало получить шанс использовать электроэнергию сразу двух упомянутых водопадов.

Архангельские губернские власти с подозрением относились к семейству Кнудсен. Они полагали, что Кнудсены намерены захватить площадки на реке Паз для получения прибыльной торговой монополии. Вскоре выяснилось, что Иоганн (Юхан) Кнудсен выступил не как самостоятельный предприниматель. Он служил интересам компании АО «Сюдварангер» и получил от нее денежные средства для

³⁷ Норв.: *Inge Thoresen Wiull* (1868–?)

³⁸ РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 672. Л. 7–8 об.

последующего строительства и снабжения электроэнергией именно этой норвежской компании.

Прошение на аренду поступило также от предпринимателя Шапошникова. Он был намерен основать лесопильный завод и нуждался в электроэнергии. Судя по документам МИДа, его «уполномоченным лицом» являлся «известный аферист финляндец Сирен». Ещё одним претендентом на аренду водопада у церкви Св. Бориса и Глеба стал И. И. Лунд — архангельский купец норвежского происхождения³⁹. За ним, по сведениям архангельской губернской администрации, «скрывается уже причинивший русской казне крупные убытки швед Лидбек».

По общему мнению чиновников МИДа и Архангельской администрации, подателями всех заявок на аренду водопада руководили спекулятивные мотивы. Они в согласии с Кнудсеном и между собой заключили негласный стовор для достижения права участия в конкурсных торгах. Иными словами, их целью стала манипуляция процедурой фактически фиктивного торгового конкурса.

Важно подчеркнуть, что принципиальные вопросы об использовании пограничной реки принимал не Лесной департамент и не Архангельская губернская власть. Решающее значение имела позиция, занимаемая российским МИДОм. Руководители лесного ведомства и губернатор изъявляли со своей стороны готовность выполнить пожелания и распоряжения министерства. Так, из столицы Архангельскому губернатору поручили уточнить по местным источникам достоверность информации о претендентах на аренду. Предположение, что подача заявок имела целью лишь имитацию, звучало убедительно, поскольку по закону проводить торги на сдачу в аренду положено было лишь при наличии конкурса соискателей.

Однако способы обходить это требование закона были хорошо известны (не только в России) и связаны с распространенной практикой. «Невольно является мысль, комментирует автор, директор Второго (внутреннего) департамента МИД в письме Архангельскому губернатору, что эти лица конкуренты лишь для виду, чтобы дать возможность торгам состояться. На самом деле они составляют одну кампанию, во главе которой тот же младший Кнудсен, стремящийся захватить всю свободную землю по обоим берегам реки Пазы, дабы никого не пустить на это место и сосредоточить пограничную торговлю в своих руках»⁴⁰.

Резюмировал позицию МИДа на проблему аренды энергоресурсов реки Паз заместитель (товарищ) министра иностранных дел К. А. Губастов⁴¹. Об этом свидетельствует его переписка с руководителем Главного Управления землеустройства и земледелия. В письме от 17 марта 1907 г. было сказано: «Все усилия наших властей за последние годы были направлены к недопущению в этой пограничной полосе иностранцев. И аренда земли норвежцами знаменовала

³⁹ Овсянкин Е. И. Архангельск купеческий. Архангельск, 2000. С. 526.

⁴⁰ РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 672. Л. 12–13 об. Письмо от 25.07.1906.

⁴¹ Губастов Константин Аркадьевич (1845–1919) русский дипломат, тайный советник, член Совета министров, товарищ министра иностранных дел в 1906–1908 гг.

бы собой отказ от попыток ограждения края от норвежского влияния и от закрепления его за Россией»⁴². Будучи одним из руководителей министерства, Губастов считал такое недопустимым. Что касается лиц, желающих арендовать пограничные участки, продолжал Губастов категорично, то «...отдача земли у Заячьего падуна (норв. Харефоссен), в 15-ти верстах от Борисоглебской церкви, иностранному акционерному обществу представляется совершенно нежелательной...»⁴³.

МИД рекомендовал руководителям ведомств Главного управления землеустройства и земледелия, Лесного департамента и Архангельской администрации те аргументы, на которые они могли сослаться, чтобы избежать прямого и грубого отказа норвежцам. К числу таких «мягких» оснований был отнесён основной: аренда в промышленных целях водной силы реки Паз могла привести к загрязнению водоема и, тем самым нанести чувствительный убыток лопарям (они традиционно ежегодно предлагали англичанам, любителям семужьего лова, в аренду береговые участки). В качестве дополнительных оснований были предложены следующие аргументы: возведение плотин предполагало создание помех традиционному сплаву леса, «закрытие волока, идущего по русскому берегу» и изменение уровня вод реки и условий её течения⁴⁴.

В министерской тактике «мягкого» и дипломатичного уклонения от разрешения норвежцам аренды Заячьего водопада должен был сыграть (и действительно сыграл) важную роль приглашённый эксперт. Поэтому выбор кандидатуры имел решающее значение. Им мог стать опытный инженер-гидротехник. Его рекомендация имела только совещательное значение. Однако научно-техническая репутация, компетентность, объективность и беспристрастие могли маскировать истинные мотивы уже предрешенного властью отрицательного решения. Экспертом следовало выбрать только «благонадежного» и безоговорочно лояльного правительству человека, способного выполнить поставленную деликатную задачу, и на «скромность» которого можно положиться.

Выбор чиновников пал на профессора, преподавателя провинциального Харьковского технологического института Василия Ивановича Альбицкого⁴⁵. Играло роль то обстоятельство, что он был связан с крайне правой монархической организацией «Союз Русского Народа»⁴⁶. В. И. Альбицкий не раз публично демонстрировал полную лояльность монарху и правительству, в связи с чем он был непопулярен не только в студенческой, но и в профессорской среде Харьковского

---

⁴² РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 672. Л. 11–11 об.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Альбицкий Василий Иванович (1850 — не ранее 1926) русский инженер-технолог и педагог, один из активистов «Союза русского народа», профессор Харьковского технологического института.

⁴⁶ Союз русского народа (СРН) — массовая черносотенная монархическая организация, действовавшая в Российской империи с 1905 по 1917 г. Программа и деятельность СРН базировались на монархических, националистических и антисемитских идеях, а также православном радикализме.

технологического института⁴⁷. Коллеги, либерально настроенная профессура, признавали В. И. Альбицкого, как специалиста, но осуждали как реакционера⁴⁸. В аудиториях политически активные студенты срывали лекции. Профессор со своей стороны жаловался и искал защиту у ректора и министерского начальства, но от своих взглядов не отступал⁴⁹.

В бурлящей политической обстановке революционного 1907 года профессор с готовностью откликнулся на предложение Лесного департамента лично обследовать нижнее течение реки Паз и дать заключение о её энергетическом потенциале. Перед ним поставили и другую задачу, связанную с первой — проанализировать и дать гидротехническую и экономическую оценку заявки норвежской компании «Сюдварангер» на аренду русской половины Заячьего водопада (норв. Харефоссен).

В августе 1907 г. В. И. Альбицкий прибыл в Архангельск и встречался с представителями губернской администрации. Затем на пароходе отплыл сторону границы, на реку Паз. Норвежские представители, судя по архивным норвежским документам, в это же время настойчиво искали встреч с ним. Однако профессор постарался их избежать, не отвечая на телеграммы. В течение августа 1907 г. Альбицкий провел осмотр, изучение и измерения реки, наблюдения водопадов, причем не только Заячьего, но и Пазрецкого. Время было выбрано удачно. Вода реки, по утверждению местных жителей, была отнесена «к средним летним водам».

В столице, как мы предполагаем, Альбицкий имел деликатные беседы в правительственных ведомствах. Были ли такие встречи проведены с чиновниками в Главном управлении землеустройстве и земледелия, в Лесном департаменте или в МИДе, мы точно не знаем. Нет документов, которые могли бы этот вопрос прояснить. Однако ввиду деликатной темы бесед, их, возможно, и не существует. В нашем распоряжении имеются косвенные аргументы. Опираются они, на зафиксированные участниками и подтвержденные архивными документами факты хода длительных переговоров. Подробное описание трехмесячного процесса переговоров дано и российской, и норвежской стороной. Таким образом, мы знаем весь ход и описанные в документах результаты конференции.

Подготовленное профессором Альбицким заключение принципиально важное и общее по характеру. Предложение норвежского акционерного общества «Сюдварангер», писал он, имеет стратегическое значение: «...в целях охраны русской государственности на далекой, но богатой окраине России нежелательно...

---

⁴⁷ Институт был открыт 15 сентября 1885 г. как практический технологический институт с двумя отделениями — механическим и химическим, на которые принималось всего 125 человек.

⁴⁸ *Альбицкий В. И.* Гидравлика. Лекции, чит. в Харьк. техн. ин-те [имп. Александра III] в 1901/1902 учеб. г. проф. В. И. Альбицким. Ч. 1. Харьков, 1902; *Он же.* Днепровские пороги и устройство судоходства на них. Харьков, 1904.

⁴⁹ Российский государственный архив Военно-Морского флота. Ф. 9. Оп. 1. Д. 569. Копия. Докладная записка профессора Харьковского технологического института В. И. Альбицкого.

поскольку «при переходе водопадов в руки норвежцев к ним перейдёт вся экономическая сила. А вместе с сим, все русское, православное будет навсегда вытеснено с издревле русской земли»⁵⁰. Выраженный охранительный подход и взгляды профессора, по сути, совпадали с оценкой ситуации в русском МИДе. Возможно, это и были главные причины, которые обеспечили ему доверие начальства.

Кроме всего прочего, России, по мнению эксперта, экономически невыгодна и передача водопадов в аренду норвежской компании в полном объеме. В этом случае власть окажется лишена возможности удовлетворить потребности российских предпринимателей, когда они рано или поздно станут нуждаться в дешевой механической силе. В будущем, прозорливо считал профессор, это вполне возможно. Вместе с тем, по оценке Альбицкого, добыча на норвежском стороне реки железной руды позволяла предполагать возможность открытия рудных тел и на правой, российской стороне реки Паз.

В Записке, направленной компанией «Сюдварангер» русскому правительству, содержалось, между прочим, указание на возможность двум государствам полюбовно поделить речные водопады. Однако Альбицкий в своих замечаниях указал на их неравноценность. На базе собственных оценок норвежская компания, считал он, преуменьшила совокупную силу нижних водопадов (которые АО «Сюдварангер» планировала для себя), но преувеличила силу верхних, которые норвежская сторона предлагала русской стороне для эксплуатации⁵¹.

На этапе «конференции экспертов» к делу подключилась и «тяжелая артиллерия» — норвежская дипломатическая миссия в Санкт-Петербурге. Заняться проблемой аренды водопадов поручили её секретарю Карлу Педеру Ведель Ярлсбергу⁵². Ещё летом 1907 года он пытался выяснить в МИД России, чем был вызван первоначальный отказ Лесного департамента, возможно ли все-таки достигнуть соглашения и на каких условиях. В июне 1907 г. норвежский дипломат обратился к министру иностранных дел А. П. Извольскому⁵³. Он предложил сформировать по делу совместную норвежско-русскую комиссию («конференцию») экспертов⁵⁴.

Как мы знаем по архивным материалам, российский МИД определенное решение по поводу норвежской аренды водопада уже сформулировал. Оно было негативным (чего норвежцы заранее знать не могли), но поскольку прямой отказ российской стороны норвежским партнерам выглядел бы «недипломатично»,

---

⁵⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 285. Л. 26–29 об.

⁵¹ Там же.

⁵² *Karl Peder Herman Boguslaw Wedel Jarlsberg* (1845–1942) с 1906 по 1908 гг. секретарь норвежской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге (см.: *Illustrert biografisk leksikon*, Oslo, 1920. S. 936).

⁵³ Извольский Александр Петрович (1856–1919) русский государственный деятель, дипломат, министр иностранных дел России в 1906–1910 гг.

⁵⁴ RA. 4991 P5: Brev fra Den kongelige norske legasjon i St. Petersburg til UD 26.06.1907, с приложением: Den norske legasjonens note til den russiske utenriksminister Izvolskij, datert 25./12.06.1907.

то переговорный процесс все-таки состоялся. Он был организован в октябре — декабре 1907 г. в Петербурге. Это были встречи, заседания и дискуссии экспертов (делегатов конференции).

Процесс затруднялся тем, что Альбицкий не владел французским языком. Общение происходило через переводчиков. Норвежским партнером профессора Альбицкого стал приехавший в Петербург губернатор Финнмарка Урби. Профессор Альбицкий несколько раз приходил на заседания конференции экспертов в сопровождении Г. К. Мерчинга — профессора Института инженеров путей сообщения в Петербурге. Это должно было придать вескости русской переговорной позиции. В связи с этим и Урби попросил подкрепления для норвежской делегации. В ноябре в Санкт-Петербург прибыл для участия в переговорах вместе с губернатором Гуннар Сэтрен, бывший ранее руководителем норвежского Директората водотоков.

По ходу заседаний тактика ведения переговоров уточнялась. Призвана она была не допустить впечатления, что русские намерены помешать успеху норвежской компании. Дело в том, что использование «белого угля» на основе прогресса гидроэнергетики давало дополнительные импульсы развитию норвежской компании. Одновременно это обостряло проблему безопасности границы и глубокой отсталости Мурмана.

Нам представляется, что российская власть намеревалась применить тактику имитации взаимного делового интереса и готовности обсуждать и решать конкретные вопросы проекта соглашения. Партнеру демонстрировалась также готовность искать варианты компромиссов, если подходы сторон не совпадали. На самом деле российская сторона проводила курс на затягивание и затруднение процесса обсуждений. С этой целью норвежским партнерам или выдвигались коммерчески невыгодные условия и затягивались переговоры, или по ходу дискуссий предлагались новые предложения. По-видимому, такую переговорную тактику предварительно заранее обсуждали и вырабатывали в российском МИДе и Главном управлении землеустройства и земледелия.

Так, профессор Альбицкий предложил целый ряд избыточных требований: к высоте плотины, с тем, чтобы избыточная мощность (свыше 6500 лошадиных сил) была передана российской стороне; к рабочей силе (в период строительства половина рабочих должна была состоять из русских); к российскому контролю над строительными работами и водопотреблением на электростанции; к переходу построенных объектов в совместное владение после окончания срока действия договора. Так, Альбицкий предложил передать их (в том числе турбины АО «Сюдварангер» на норвежском берегу реки) норвежскому и российскому государствам в совместное владение после истечения срока действия соглашения, а затем обеспечить контракт на энергопотребление российской компании на такой же продолжительный период, как для АО «Сюдварангер».

Когда дискуссия коснулась вопроса о стоимости аренды водопада, Урби оказался глубоко шокирован предложением Альбицкого. Она превышала, по мнению норвежцев, всякий разумный и экономически обоснованный уровень. Русский эксперт запросил 35 рублей в год за одну лошадиную силу, что составило бы до полумиллиона норвежских крон в год при выработке 6500 л.с. Все это, как мы предполагаем, соответствовало избранной в Петербурге тактике переговоров.

В своем отчете Урби позже показал, что в качестве контраргумента и для сравнения он представил русскому делегату цифры норвежских водопадов. Этим он хотел наглядно показать, насколько необоснованным было предложение его визави. Однако, профессор стоял на своем. Он якобы готов был договориться о цене не менее 15 рублей за лошадиную силу, то есть 200 000 норвежских крон в год. «Это чистое безумие... Но Альбицкий стоит на своем с непоколебимым упорством. И потому, — писал Урби, — я пока оставил вопрос о цене». Он не видел возможности снизить цену с 200 000 до 8 000–10 000 крон, что являлось бы приемлемым для Норвегии.

Другим вопросом, где стороны не смогли достичь соглашения, стал вопрос о совместном владении зданиями и сооружениями на норвежской земле. Урби получил четкий и категоричный отказ от норвежского Министерства иностранных дел: «Совместное владение невозможно». Такой ответ был легко предсказуем. Он давал русскому делегату повод, вкупе с другими предложениями, представлять позицию противной стороны негибкой и переложить на нее ответственность за безрезультатность дискуссии.

С норвежской стороны стратегия переговоров была сформулирована в пространном письме Министерства сельского хозяйства в норвежское Министерство иностранных дел. Все претензии Альбицкого следовало отклонять на том основании, что они выходят за рамки мандата Урби. Переговоры должны вестись только о лицензии для компании АО «Сюдварангер».

Со своей стороны, Урби советовал МИДу Норвегии не допускать одностороннюю российскую инспекцию будущей ГЭС, поскольку это легко может вызвать подозрения и «стать политическим» вопросом. С этим согласился МИД в Кристиании. Инспекцию следовало проводить только совместно норвежской и русской сторонами. И лишь при ежегодных посещениях электростанции. Далее норвежский МИД поручил Урби заявить, что обсуждение вопроса о размере арендной платы станет предметом переговоров позже, на отдельной встрече.

К концу ноября 1907 года Урби и Альбицкий подготовили, наконец, проект соглашения. Однако Урби оказался при этом сильно раздражен негибкой позицией партнера, не готового к новым уступкам. Альбицкий повторял российские требования и упрямо не принимал во внимание возражений норвежского делегата. Больше всего губернатора Урби беспокоило российское предложение статуса будущего соглашения: «Похоже, что Альбицкий хочет придать соглашению бессрочный и типовой характер. Боюсь, что такое соглашение в будущем может

быть использовано для давления на Норвегию с целью сдать водопад в аренду российским подрядчикам. В любом случае дело приобретает совершенно другие размеры, если заключить договор с общими правилами и на неограниченный срок», — писал Урби в норвежский МИД. Оценка, данная Урби, кажется справедливой. Но именно затягивание переговоров, по нашему мнению, и отвечало в данном случае интересам российской стороны.

За несколько месяцев встреч и дискуссий решительного согласия делегатов не произошло. Русские ссылались на то, что в их ведомствах идут внутренние переговоры. Норвежский посланник Пребенсен попытался успокоить их и заверил Урби, что такова обычная российская процедура.

Профессор Альбицкий добросовестно и умело исполнил поставленную задачу в ходе почти трехмесячных переговоров, дискуссий и обмена мнений. Он предложил норвежскому коллеге подписать подробно разработанный проект двустороннего договора.

В канун рождественских каникул 1907 г. разочарованная норвежская делегация сослалась на отсутствие полномочий для подписания предлагаемого Альбицким проекта и вернулась «для консультаций» на родину. Заметим, что норвежские власти не отказались от цели. Они лишь терпеливо ждали подходящего момента, чтобы возобновить переговоры при новых, более удобных обстоятельствах.

В начале января 1908 г. газета «Норлис» (*Avisa Nordlys*) сообщила, что губернатор Урби вернулся из России, не достигнув каких-либо результатов. Весной 1908 г. для обеспечения энергоснабжения горного завода руководство компании приступило к строительству паровой электростанции мощностью 6000 лошадиных сил. Она работала на угле. В 1911 г. мощность паровой электростанции была увеличена вдвое с перспективой дальнейшего развития.

В ноябре 1911 г. Виуль, технический директор горнозаводского предприятия, выступил с лекцией в Ассоциации инженеров и архитекторов в Кристиании. Аудиторией было, как сообщала газета «Афтенпостен», «очень многочисленное и представительное собрание». Присутствовал король Хокон VII, его сопровождали секретарь кабинета министров Грёнвольд и адъютант капитан Братт. Виуль с гордостью и воодушевлением рассказал о новых контрактах компании и об использовании самых современных машин, «какие раньше можно было найти только в Америке». Население Киркенеса за четыре года увеличилось с 50 до 2000 человек. «Быстро росли и поселения вдоль реки Паз .... Для многих рабочих семей важно построить дом в том месте, где их дети со временем смогут получить полезную работу. Этот населенный пункт можно было бы увеличить, если улучшить коммуникации, особенно если проложить дорогу к пахотным землям вдоль реки Паз», объяснял Виуль. Он призвал молодежь, которую захватила волна заокеанской эмиграции: «Не ездите в Америку. <...> Заработок в епархии Тромсё, и особенно в Финнмарке, значительно превышает обычный заработок на юге [Норвегии. — В. К.]». Вместо того чтобы эмигрировать в неопределенное будущее в Америке,

норвежская молодежь должна понять, что в Северной Норвегии есть работа для тех, у кого есть сила и отвага.

Впрочем, компания, пришла к заключению, что её решение использовать пароэнергетическую установку оказалось с точки зрения экономической целесообразности и финансовой отдачи, гораздо менее эффективным, чем предполагали. Весной 1913 г. компания вернулась к вопросу об использовании водопада Харефоссен.

После многих лет строительства, рудник и обогатительная фабрика работали без перебоев. Предприятию удалось показать операционную прибыль. В апреле 1913 г. компания обратилась к губернатору Урби с просьбой разрешить провести некоторые гидротехнические измерения летом 1913 г. «для изучения участка реки Паз между водопадами Сколтефоссен [рус. Пазрецкий. — В. К.] и Харефоссен». Понадобилось уточнить сезонную динамику уровня вод, а также просить о том же архангельского губернатора на российской стороне реки.

Губернатор Урби вновь начал переговоры от имени АО «Сюдварангер». Ответ из Архангельска был получен только в конце июля. Он оказался негативным. Губернатор Бибииков не разрешил проведение норвежских измерений на территории России. Местная российская администрация продемонстрировала откровенно негативное отношение к активности компании «Сюдварангер» на пограничной территории.

Тем не менее, руководство компании проявило собственную инициативу, которая привела к дипломатическому инциденту. Он стал поводом к неприятным объяснениям между министром иностранных дел Норвегии Н. К. Иленом и его российским коллегой. Суть заключалась в том, что в середине июля 1913 г. на российской стороне пограничной реки Паз был замечен норвежский инженер. Он проводил «замеры и устанавливал столбы». На запрос российского Посланника в Кристиании министр Н. К. Илен просил губернатора Урби дать пояснение. Урби вынужден был извиниться за инцидент. Он оправдывался тем, что молодой инженер действовал самостоятельно и директор компании уже сделал ему выговор. Позднее он объяснил норвежскому Министерству иностранных дел, что все случившееся на деле оказалось простым недоразумением. Норвежский инженер якобы вообще не был на территории России. Он и сам в тот момент считал, что проводит измерения только на норвежской стороне реки.

В ноябре 1913 г. история нашла отражение в газетных публикациях. Они свидетельствовали о внутренних политических противоречиях империи. Буржуазно-либеральные «Голос Москвы» и «Новое время» критиковали власть за попустительство нарушениям норвежцами границы, а последних обвинили в попытке с помощью грязной уловки занять ценный русский «падун» на пограничной реке. Норвегия, как информировал читателей «Голос Москвы», ранее уже предлагала неоправданно низкую сумму за годовую аренду водопада норвежской электростанцией. Россия от нее отказалась. Тогда соседи проложили себе путь через

лес на российском берегу реки и поместили норвежские флаги в груды камней. Флаги все ещё были на месте, и пока российские власти разбирались с нарушениями, писала газета, норвежские инженеры продолжали на российской стороне свои замеры.

Газета «Голос Москвы», орган думской партии «Союз 17 октября», использовала инцидент как повод для резкой критики. На забытом Севере происходят странные вещи, писала газета. Поэтому неудивительно, писали авторы, что Норвегия «голодными глазами» смотрит на российские районы у Варангер-фьорда. По мнению газеты, русские власти совершили преступление, когда ещё в 1826 году подписали пограничную конвенцию и отказались от богатых рыболовных угодий и больших лесных ресурсов на берегу Варангер-фьорда. Газета упрекала власть в том, что той не хватало дальновидности и воли вкладывать средства в российский приграничный район на Севере и тем самым предотвращать давление со стороны Норвегии. По несколько преувеличенным утверждениям публицистов, на берегу реки Паз имелись месторождения алмазов, а на российской стороне фьорда также другие металлы, такие, как медь, свинец, никель, серебро.

Влиятельная газета «Новое Время» писала, что норвежцы, желают выкупа сервитутных прав саамов на рыболовные угодья в устье реки Паз. И это следует расценить, как скрытую попытку расширить норвежскую границу на восток. Теперь они (норвежцы) якобы окончательно проявили себя, поставив флаги на территории России. По мнению газеты, доказательством того, что норвежцы вынашивают экспансионистские планы, было то, что они решили использовать не Харефоссен, который находится на норвежской территории (утверждение было неточным. — В. К.), а предпочитают вести переговоры о Пазрецком падуне (Скольтефоссене).

Алармистские публикации сделали для норвежских властей вопрос о гидроэнергетике на реке Паз ещё более трудным, чем это было ранее. Не помогло и то, что норвежская компания в декабре направила в норвежское Министерство иностранных дел длинное письмо. В нем она разъясняла свою позицию и прилагала отчет молодого инженера. По данным компании, обследования проводились её сотрудником с согласия губернатора Финнмарка (т. е. на норвежском берегу реки). При этом в отчете компания доказывала, что норвежский инженер оставался все время на норвежской земле, между тем как некая группа российских официальных лиц пересекла границу без разрешения, появилась в палаточном городке норвежца. Сам он пояснил, что не ставил флагов и не вырубал леса на российской земле, ссылаясь при этом на сопровождавшего его опытного местного знакомого. К объяснению им была приложена карта. Она, как он считал, доказывала его правоту. За отчетом последовало новое письмо в норвежское министерство от компании. В нем доказывалось, что место для палаток инженера находилось на норвежской стороне в 3 км от границы.

После изучения документов в Географической службе Норвегии выяснилось, что между Норвегией и Россией, возможно, существовали разногласия

относительно того, где именно проходит граница между пограничными знаками 356 и 357. Это могло стать причиной противоречий в описаниях инцидента. Рассмотрение дела было возложено на норвежские министерства юстиции и полиции. Они заключили в феврале 1914 г., что протоколы границы должны быть повторно пересмотрены в сотрудничестве с российскими властями. Они же заключили, что инженер, независимо от того, были флаги установлены на территории России или нет, поступил неудачно. В связи с этим к России не должно быть никаких претензий.

Ни та, ни другая сторона явно не желали продолжения пограничного инцидента, попавшего в фокус внимания печати и общественности. Напряженность и ухудшение отношений были не в их интересах. Дипломатический инцидент считался исчерпанным. Критика российского правительства, заметим, была во многом справедливой, но в данном случае попытка представить норвежцев захватчиками не соответствовала ни объективной реальности, ни конкретной политической обстановке и интересам как самой России, так и соседней страны.

Летом 1914 г. началась мировая война. Цены на уголь быстро росли. Это повлекло за собой заметное падение рентабельности добычи железной руды на шахтах и рудниках компании «Сюдварангер». Проблема дешевой электроэнергии стала ещё более актуальной, чем ранее⁵⁵. Война сформировала новые экономические и политические предпосылки для положительной динамики отношений двух стран. Появилась реальная перспектива взаимовыгодного сотрудничества в вопросе эффективного использования энергоресурсов пограничной реки. Отрывалась новая страница в более чем 70-летней непростой истории рождения каскада ГЭС на реке Паз.

Список литературы

Бушуев, В. План ГОЭЛРО: возрастное ограничение 100+ / В. Бушуев // Энергетическая политика. Общественно-деловой научный журнал. — URL: <https://energypolicy.ru/v-bushuev-plan-goelro-vozzrastnoe-ogranichenie-100/energetika/2020/13/20/>. — (10.12.2022).

Зайков, К. С. Российско-норвежское пограничье в отечественной историографии XIX — начала XXI века / К. С. Зайков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». — 2018. — № 2. — С. 27–39.

Карелин, В. А. К ранней истории совместного освоения природных ресурсов стран Баренцева Евро-Арктического региона: проблема использования «водной силы» Паз-реки в российско-норвежских отношениях (начало XX в.) / В. А. Карелин // «Европейский Север: инновационное освоение морских ресурсов (образование — наука — производство)»: материалы междунар. науч.-практ. конф.,

---

⁵⁵ *Eriksen K. E.* En gruvebedrift til nytte og besvær. S. 323.

Мурманск, 13–18 марта 2013 г. / Мурман. гос. тех. ун-т. — Мурманск : Изд-во МГТУ, 2013. — С. 269–270.

Карелин, В. А. Проблема саамских сервитутных прав в пограничных отношениях России и Норвегии в начале XX века / В. А. Карелин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». — 2016. — № 1. — С. 32–41.

Касиян, А. С. Норвегия / А. С. Касиян, В. А. Карелин // Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны : [трехтомный коллективный труд / ответственный редактор: академик РАН А. О. Чубарьян]; Институт Всеобщей истории РАН. — Москва : Международные отношения, 2020. — Т. 3. Россия и нейтральные страны. — 392 с.

Нильсен, Й. П. Новая Земля — «ничейная земля»? // Народы и культуры Баренцева Региона / Й. П. Нильсен / Тромсе : Университет г. Тромсе ; Музей г. Тромсе, 1996. — С. 4–18.

Нильсен, Й. П., Зайков, К. С. Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к Поморской зоне / Й. П. Нильсен, К. С. Зайков // Арктика и Север. — 2012. — № 5. — URL: <http://narfu.ru/upload/iblock/854/6.pdf>. — (19.09.2017).

Новикова, И. Н. «Между молотом и наковальней» : Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны / И. Н. Новикова. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского университета, 2006. — 488 с.

Овсянкин, Е. И. Архангельск купеческий / Е. И. Овсянкин. — Архангельск, 2000. — 525 с.

Попов, Г. П. Мурман : Очерки истории края XIX — нач. XX в. / Г. П. Попов, Р. А. Давыдов. — Екатеринбург : Ин-т эколог. пробл. Севера, 1999. — 220 с.

Похлебкин, В. В. Норвегия / В. В. Похлебкин. — Москва : Географгиз, 1957. — 80 с.

Рогинский, В. В. Конвенция 1826 года «О разграничении между Норвегией и Россией» как дипломатическая проблема / В. В. Рогинский // Вестник Баренц-Центра МПГУ. — Вып. 7. — 2008. — С. 25–30.

Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах : перевод с норвежского / Р. А. Давыдов, К. С. Зайков, В. А. Карелин [и др.] ; под редакцией Й. П. Нильсена. — Москва : Весь мир, 2019. — 705 с.

Berg, R. Norway, Spitsbergen, and America, 1905–1920 / R. Berg // Diplomacy and Statecraft. — 2017. — Vol. 28, issue 1. — P. 20–38.

Berg, V. I. Christian August Anker / V. I. Berg // Norsk biografisk leksikon [Электронный ресурс]. — URL: https://nbl.snl.no/Christian_August_Anker. — (26.12.2022).

Dole, N. H. America in Spitsbergen : the romance of an Arctic coal-mine / N. H. Dole. — Boston : Marshall Jones co, 1922. — Vol. I–II.

Eriksen, K. E. En gruvebedrift til nytte og besvær / K. E. Eriksen // *Det hjemlige og det globale : festskrift til Randi Rønning Balsvik*. — Oslo : Akademisk Publiserings, 2009. — S. 320–335.

Fasting, K. Aktieselskabet Sydvaranger 1906–1956 / K. Fasting. — Oslo ; Kirkenes : [s. n.], 1956. — 108 s.

Lunde, A. Sør-Varangers historie / A. Lunde. — Kirkenes : Sør-Varanger kommune, 1979. — 887 s.

Roginsky, V. V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: A Diplomatic Challenge // *Russia–Norway. Physical and Symbolic Borders* / ed. by T. N. Jackson, J. P. Nielsen. — Moscow : Languages of Slavonic Culture, 2005. — P. 162–168.